

Владлен Немец

БОРИС БОЙКОВ

Super Издательство
2016

Владлен Немец
Борис Бойков

«СУПЕР Издательство»

2010

Немец В.

Борис Бойков / В. Немец — «СУПЕР Издательство», 2010

Борис Бойков и его друзья, ровесники нашего века, люди нелегкой судьбы, живут в суровых буднях страны, по которой прокатываются дефолты, а сепаратисты пытаются отделить от России автономные республики. Они ищут пути восстановления страны, ломают мешающую развитию России автократическую вертикаль власти, преодолевают ожесточенное сопротивление сторонников диктатуры.

Содержание

Начало пути	6
Восьмой класс	6
Девятый класс. Репетиторство	8
Женька	10
Охота	12
Следствие	14
В отделе народного образования	15
Нина	16
Фирсов	17
Ах эта Ниночка!	18
Дело о тяжких телесных повреждениях	20
А за два года до этого...	23
В армии	24
Там, в Белуджистане	25
Два месяца спустя	26
Два года спустя в Дагестане	27
В госпитале	28
Мирное время	30
Борис и Евгений	30
Лагерь предпризывной подготовки	32
Полгода спустя	33
Армия	34
Выбираем пути-дороги	36
Евгений начинает	37
Два года спустя Дебаты в губернской Думе	40
Борис начинает	42
На Восьмом Заполярном	45
Вот с этого и начнем	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владлен Немец Борис Бойков

© Владлен Немец, 2016

© ООО «СУПЕР Издательство», 2016

* * *

Начало пути

Восьмой класс

– Бойков, а ты почему не работаешь? – Преподаватель литературы, прозванный за удобу и высокий рост Жердем, склонился над столом Бориса Бойкова.

– Я не знаю, что писать.

– Тема сочинения, по моему, задана совершенно ясно «Кем я хочу стать».

– А я еще не знаю, кем я хочу стать.

– Хм, проблема, – Жердь улыбнулся. – Ну хорошо, ты не знаешь, какую специальность ты выберешь. А вот каким человеком ты себя представляешь в будущем?

– Спасибо, Андрей Григорьевич, я понял.

– Ну и слава богу. – Жердь перешел к соседнему столу. – А у тебя, Васильева, какие проблемы? Тоже не знаешь, кем хочешь стать?

Класс начал хихикать.

– Знаю, но это мое личное дело!

– Очень интересно! Не смею настаивать, но если вы не сдадите сочинение, – Жердь, когда сердился, переходил на ВЫ, – то сами понимаете...

– А можно я напишу, каким я вижу будущее моих друзей?

– Это, конечно, не совсем по теме, но что с вами поделаешь, – вздохнул Жердь.

– Женька, напиши, что я буду маршалом!

– А про меня, что я буду хозяином нефтепромыслов!

– А я буду мисс Вселенная!

– Женька, напиши, что я на Танечке Копытовой женюсь!

– Женька, не смей!! – раздался истошный вопль, – Васька сам лопухий, и дети у него будут такие же!

– Всё, всё! – вмешался в разгоревшееся веселье Жердь. – Заявки принимаются только в письменном виде в свободное от занятий время. Кстати, вы зря веселитель. Времени у вас совсем мало осталось.

Борис этого разговора уже не слышал. Он писал, писал по взрослому твердым установившимся почерком. Вообще, в характере Бойкова уже прорезывались черты взрослого человека. Этому способствовало то, что жизнь в последние годы его гладила, в основном, против шерсти.

Борис рано лишился отца, а два года назад мама тяжело заболела, и пришлось жить на две весьма скромные пенсии – за погибшего отца, и маминой по инвалидности. На плечи Бориса взвалились многие домашние дела, а в прошлом году он еще начал подрабатывать репетиторством. И всё это при том, что нужно было учиться на одни высшие баллы, чтобы получить стипендию для учебы в институте...

«У меня хорошие предки. Есть с кого брать пример. ... Мой прадедушка был танкистом. Его экипаж в 1943 году под Прохоровкой сжег три фашистских танка, а потом его танк попал под огонь самоходки – Фердинанда. Прабабушка осталась одна. Она работала на снарядном заводе и растила мою будущую бабушку. Бабушка и дедушка окончили институт имени Губкина по специальности «Прикладная математика», а потом работали программистами. Они считались хорошими специалистами. Мой папа, инженер-механик, работал на режимном предприятии. Он погиб, пытаясь открыть застрявший выхлопной клапан котла, чтобы преотвратить взрыв. Мама, пока не заболела, работала бухгалтером...».

Заканчивал свое сочинение он так – «Я не знаю, какую специальность я хотел бы получить. Но твердо знаю, что нужно сформировать свой характер и получить высшее образование, потому что без этого многого в жизни не добиться.»

В этот день после школы Борис впервые в жизни провожал домой девушку, Женьку Васильеву.

Сначала шли молча – Жене было немного не по себе: шутка ли сказать, тебя провожает мальчик, да еще какой! Сам Борька Бойков – мудрость и совесть класса!

Женя первой прервала затянувшееся молчание: «О чем ты думаешь, Борис?».

Борис вздохнул: «Да вот, зацепила ты меня своими словами... Вот теперь и думаю, а правда, кем я буду?».

– Хочешь узнать, что я написала в сочинении?

– Нет, этого не надо... В сочинении, да еще, когда спешешь...

– А я вот хочу рассказать, как я тебя в будущем вижу.

– Ну давай, Кассандра, даже интересно!

– Ты парень серьезный, основательный. Всё делаешь, выкладываясь на полную катушку. У тебя карьера, наверняка, будет удачной. Станешь большим начальником или крупным ученым. Будешь ставить, а может уже ставишь перед собой большие цели, будешь их добиваться всерьез, не щадя сил. Одно плохо, это я так понимаю, наверное потому что я девчонка, личная жизнь у тебя будет на втором, а может и на пятом месте, сухой ты очень. Ну ладно, ладно, нечего хмуриться, – Женька дернула за непокорную Борькину чуприну. – Мало ли что влюбленная дура может наговорить!

– Нет, Женечка, всё, что ты говоришь, правда. Наверное, нужно стараться не черстветь.

– А вот как ты ко мне относишься? Ты меня хоть немножко любишь?

– Любить, по моему, нельзя немного. Ты мне очень нравишься. Мне с тобой хорошо.

А вот про любовь ничего не могу сказать. Я в этом еще не разбираюсь.

Девятый класс. Репетиторство

Борис оглядел свою группу, состоявшую из трех его одноклассников: «Мне очень жаль, ребята, но сегодня мы занимаемся в последний раз. Сами понимаете почему.»

Ребята молча опустили головы. Они знали почему.

Бойков начал заниматься репетиторством еще в седьмом классе. Дело пошло успешно. Его подопечные лихо переходили на твердые тройки и даже четверки. Сначала он занимался с отстающими учениками арифметикой и алгеброй, а потом к этим предметам добавилась и физика. Борис очень дорожил репетиторством: каждая копейка была на счету, особенно после того как мама заболела – у нее развилась в последние годы острая сердечная недостаточность. Маме нужны были дорогие лекарства, да и посещение врачей влетало в копеечку. А еще нужно было хоть как-то питаться, покупать обувь и одежду. Борис рос, и на нем всё горело. Репетиторство в какой-то мере выручало. Конечно, был соблазн заниматься не с тремя, а с четырьмя или даже пятью ребятами сразу, но Борис считал, что при этом ухудшится качество занятий, а он берег свою репутацию.

Но вот в классе появился новый ученик, Венька Савостьянов. Красивый, широкоплечий, с льняным лихим чубом и... нахальным взглядом чуть на выкате серых глаз. Девчонки сначала были от Веньки без ума и только что не дрались за право пойти к нему «на свиданку». Но скоро эта мода прошла. Девочки после таких свиданок приходили в класс грустными, а то и заплаканными, с синевой под глазами. А ребята стали подумывать над тем, что не пора ли этому самому Веньке кое-что «объяснить», тем более, что и с парнями вел себя нагло, кичился поясом Джиу Джитсу и демонстративно швырялся деньгами.

Назревала гроза. Вмешалась классная руководительница, всеми уважаемая и любимая Наталья Павловна Архангельская, которая вела этот класс, начиная с нулевки. Она пришла в класс в конце занятий. Веньки не было – сбежал с третьего урока.

– Вот что, дорогие мои, – Наталья Павловна часто так обращалась к классу в минуту жизни трудную, – я знаю, что Савостьянов не сахар и не подарок. Его уже в четвертую школу переводят. Что здесь делать, я не знаю, но силовые методы, о которых кое-кто из вас подумывает, ни к чему хорошему не приведут...

И тогда встал Бойков: «Наталья Павловна, разрешите мне сказать.»

– Говори, Борис.

– Бить Веньку нельзя. Это понятно и ежу. У него родители большие шишки в городе. Он и сам этого не скрывает. Мы его отлупим, а накажут за него директора и вас. Да и пояс по Джиу Джитсу у Савостьянова настоящий, я узнавал. Он может многих покалечить. А что если объявить ему бойкот?

– Это чтобы никто с ним не разговаривал? – спросила Галка Черная (Не фамилия, а прозвище, чтобы отличить от Галки Рыжей и Галки Белой, вместе с которыми она составляла Галочью Стаю, управлявшую всем девчачьим кагалом).

– И даже не смотреть в его сторону, и не делать ему никаких замечаний, чтобы он не творил. В общем, как будто его нет.

– А если он будет задираться?

– Уходить.

– А если он будет нападать?

– Всё по ходу действия. Заранее ничего не решишь.

Сначала Венька ничего не понял. Он обращался к ребятам – ему не отвечали. Он стал злиться, оскорблять – ребята делали вид, что его не слышат.

Как известно, у каждого Шер-хана есть свои Табаки. Нашлись прихлебатели и у Веньки, которым нравилось пожрать на дармовщинку, курнуть Венькину папироску, а еще

им просто льстило, что вот такой парень с ними водится. Поэтому Венька скоро узнал, кто присоветовал устроить ему бойкот. Расплата не заставила себя долго ждать.

В кабинете директора раздался звонок, и хриловатый голос заговорил командным тоном, чувствовалось, что владелец этого голоса привык разговаривать именно так: «С вами говорит отец вашего ученика Вениамина Савостьянова. – Директор поежился: Савостьянова, заместителя главы городско управы, в городе знали и побаивались. – Что это у вас в школе творится?! Знаниями торгуете?!»

– Простите, я не понимаю, о чем вы, господин Савостьянов.

– Не понимаете?! Или притворяетесь, что не понимаете, а? Бросьте дурака валять, все вы хорошо понимаете! Ваш, этот, как его, Бойков, пользуется тем, что некоторые ребята не успевают, и дерет с них деньги за помощь. У нас в стране образование школьное бесплатное. А вы его покрываете. Я этого не потерплю!

Директор, мягкий, интеллигентный человек, долго мялся: уж очень ему не хотелось говорить Борису то, на что его вынудил Савостьянов старший. Он знал о материальном положении Бориса, и о том, что репетиторство было серьезным подспорьем для весьма скромного бюджета семьи Бойковых. Но деваться некуда: до пенсии еще целых два года, и их нужно прожить.

– Борис, вы знаете, в нашей стране среднее образование бесплатное. Мне сделали замечание в Городской Управе насчет вашего репетиторства.

Борис сразу понял, чья это работа, но так просто отступить не хотел: «Марат Сократович, но ведь репетиторством занимаюсь не я один. И все за эту работу получают деньги. Почему же исключение для меня сделали? Ребята, с которыми я занимаюсь, стали успевать по учебе...

– Бойков, кто автор бойкота Савостьянову?

– Понятно!

– Ничего вам не понятно! Я просто хочу вам сказать, что бойкот непедагогичен, и я, как директор нашей школы, никак не могу такую меру одобрить. И не смейте мне говорить, что Вениамин Савостьянов мерзавец, пристаёт к девочкам, отбирает деньги у малышей, курит в уборной и так далее! Я это и сам знаю, – добавил директор усталым голосом. – Я надеюсь, что вы все поняли и сделаете правильный вывод из нашей беседы. – И перейдя на обычное при обращении с учениками ТЫ, – Иди, Борис, а то на занятие опоздаешь. Да, совсем было забыл, в 17-ой вечерней школе требуется лаборант по химии. Анне Сильвестровне, она там завуч и преподаватель химии, привет от меня передай.

Женька

Женька, ты чего такая озабоченная ходишь? Прямо на себя не похожа. С Борькой поссо-рились? – «Галочья Стая» окружила Женькин стол в лаборатории программирования.

– Хуже, девочки, всё гораздо хуже. Вы на Борьку посмотрите, совсем извелся. В 17-ой, в лаборатории, почитай каждый вечер вкальвает, да и дома матери уход требуется.

– Задача, – вздохнула Галка Черная.

– А что, если мы по очереди... – предложила Галка Белая.

– А ты уверена, что тебе Женька глаза за эту самую очередь не выцарапает? – Спросила Галка Рыжая.

– Ну я же по дружески.

– А то мы тебя не знаем! Нет, серьезно, Женька, надо тебе к Борьке домой внедриться.

У тебя с автоматизацией программирования кажется не очень.

– Девки, вы что, совсем рехнулись! У него и так хлопот не впропорот.

– Ой, Женька, какая ты тупая! Это же предлог. Ты там поможешь по дому, и вообще.

– А дома я что говорить буду?

– А мы тебя прикроем. Говори, что у меня занимаешься, или у Чернавки... – Ой, Женечка, какая ты стала большая и красивая! Я тебя даже не сразу узнала! Ты к нам последний раз когда приходила?

– Кажется, в шестом, Мария Эммануиловна.

– А чего мы стоим, проходи.

Когда Борис, усталый и несколько расстроенный возвращался домой (Лабораторные эксперименты выполняли на редкость непонятливые ученики, и Анна Сильвестровна сделала Борису втык за плохую организацию работы), то первое, что он услышал, это необычно веселый голос мамы – *С кем это она там разговаривает*, – а потом уже унюхал очень симпатичный запах из кухни.

– Женька, ты что здесь делаешь?!

– Тебя жду.

– Я серьезно.

– И я серьезно. У меня нелады с программированием.

– Ладно, давай посмотрим.

– Сначала поужинай. Мы с Марией Эммануиловной такой сегодня ужин пригото-вили... Вот, а ты даже поцеловать меня не хочешь! – притворно надулась девушка.

– Ой, Борька дозанимались мы с тобой! Что я дома скажу?

– Ты лучше спроси, как ты домой попадешь, – пробурчал Борис взглянув на часы. –

Время-то полпервого.

– Что же делать, Боринька? Ты у нас самый умный.

– Позвони в Галочью Стаю. Если твои родители какой-нибудь из Галок звонили...

– То надо знать, что они набрехали, так что ли?

Галка Черная долго хихикала, а потом, продолжая задыхаться от смеха, выговорила: «Я так и знала, что когда-нибудь так получится!»

– Это как же «так получится»? – рассердилась Женя.

– Ну так, что ты у Борьки застрянешь. Ладно, не злись. Я сказала твоей маме, что ты пошла Галку Рыжую провожать, а потом останешься ночевать у меня. Так что спи спокойно, дорогой товарищ!

– Спасибо, Галочка. За мной не заржавеет. – Слушай, Борис, а на чем спать?

– Я могу на полу, а ты на моей кровати.

– Хорошие гости, нечего сказать – хозяина с его собственной кровати выживают. Так нельзя. Давай валетиком.

– Нет, это опасно. Вдруг ты большим пальцем ноги ко мне в ноздрю залезешь?

– Ой, Борька, осторожнее шути, а то со мной что-нибудь случится! Ладно, ляжем вместе. Только я надеюсь на твою порядочность, – неожиданно жалобно прошептала Женя.

В постели они долго лежали обнявшись, боясь даже поцеловаться. После первого же поцелуя Борис отвернулся к стене: «Женька, теперь я боюсь!..»

С этого дня для Бориса и Жени стало правилом расставаться, как только чувствовали, что подходят к опасной черте.

Охота

Венька решил лично расквитаться с автором бойкота. Он приказал своим Табаки точно установить по каким маршрутам и в какое время Борис ходит вечером. Шакалы с энтузиазмом взялись за это дело: во-первых, это было очень похоже на игру в шпионов, во-вторых, они чувствовали себя в классе париями, ну и, конечно, хотели угодить Веньке. Но однажды Борис наткнулся на одного из них в двух шагах от своего дома, когда возвращался после работы в 17-й школе.

– Серенький, а что ты делаешь здесь так поздно вечером? – спросил Борис почти что ласково.

– Я, я ничего! Я просто прогуливаюсь.

– Ну ничего, так ничего. Я ведь что хочу сказать... Да, кстати, дай-ка сюда твой мобильник. Ну так я и знал: ты только что докладывал обо мне Веньке. Мобильник твой пока полежит у меня. А теперь слушай меня внимательно и своему дружку передай. Если вы, шакалы, мне еще раз попадетесь, то просят не обижаться. А теперь мотай отсюда, пока я твои шакальи ноги из твоего вонючего зада не выдернул! – И придав Сергею пинком поступательное движение, отправился домой.

Шакалы больше Бойкова не беспокоили, но Венька, даже потеряв «агентуру», продолжал за Борисом охотиться. Бориса выручали длинные ноги. Однако, он прекрасно понимал, что долго так продолжаться не может: когда-нибудь Савостьянов загонит его в угол, и тогда продемонстрирует на шкуре Бориса всю науку восточных единоборств.

Драться с Венькой Борис не мог: во-первых явно неравные силы, во-вторых, даже если бы произошло чудо, и он Савостьянова одолел, то последствия, учитывая положение Венькиного отца, были вполне предсказуемы. Ситуация разрешилась самым неожиданным образом.

В 10-м классе появился новый предмет – экология. Преподаватель, которому не было еще и пятидесяти, был совсем седым. На вопросы своих коллег, в основном, женщин-преподавателей, о причинах столь ранней седины, он отшучивался. Не рассказывать же им, что побывал в лагерях за неумеренно активную деятельность в знаменитом Грин-Писе.

После третьего или четвертого занятия по экологии Владимир Федорович Федосеев, так звали преподавателя, заявил: «Ну вот что, начатки теории вы прослушали. Хочу посмотреть, как вы сможете ориентироваться в поле. Мы с вами выедем в лесной заповедник. А потом вы напишете отчет о том, что видели, и о том, как деятельность человека отражается на природе.»

Поездку на природу, да еще в начале осени, класс воспринял с энтузиазмом. В автобусе пели песни, шутили...

Приехав на место договорились о времени встречи и разбрелись группами и поодиночке.

Борис отошел довольно далеко, когда услышал легкий шум за спиной. Обернулся – его догонял Венька.

– Ну теперь я с тобой за всё посчитаюсь!

– *Все-таки выследил. Ладно, попробуем уйти*, – и припустился бежать.

Бегал он от Веньки не первый раз и был уверен, что уйдет от него и теперь.

Лес впереди стал редеть. Показалась покрытая кустарником полянка.

– *Ага, кусты невысокие. Перепрыгну и был таков*. – Но что это? Почему за кустами не видно земли? Когда подбежал к кустам и собрался уже прыгнуть, увидел, что сразу за узенькой цепочкой кустов начинался песчаный карьер. Мелькнула ненужная мысль: «*Кусты посажены, чтобы край карьера не рушился. Сказать на Экологии*», а тело уже само автома-

тически сгруппировалось, Борис бросился на землю, уцепился за кустик. Он потом объяснил себе, что в подсознании произошло что-то вроде расчета, и организм понял, что отвернуть в сторону не позволит энергия накопившейся при беге инерции, а потому единственным спасением было именно падение плашмя в кустах у края карьера.

Бежавший почти вплотную за ним Вениамин, чтобы не споткнуться о Бориса, подпрыгнул, и... инерция вынесла его метра на два за край карьера.

Борис увидел пролетевшего над ним Веньку, а потом услышал глухой шум падающего тела.

Карьер был не очень глубоким, но с довольно крутыми краями.

Борис наклонился над краем карьера – Венька лежал неподвижно, одна нога неестественно вывернута. Сзади послышался топот – это шакалы спешили посмотреть как Венька будет справляться с Бойковым.

– Борька, где Венька? – спросил один из Табаки, Гришка.

– В карьере.

– Ш-што?! Ты его туда толкнул?

– Нужен он мне! Сам прыгнул. Ладно, мобильник есть?

– Ну есть.

– Тогда, чем глупые вопросы задавать, вызывай скорую помощь. И жди здесь. А мы с тобой, – обратился Борис ко второму шакалу, Сергею, – спустимся в карьер, посмотрим что к чему. Может Веньке помощь нужна.

– Ишь, какой заботливый! – съехидничал Серега.

– Не трепись! Пойдешь или струсил?

Венька был жив, но без сознания.

Следствие

Следователь долго молчал, вперившись взглядом острых серых глаз в Борькину физиономию.

– Впечатление хочет произвести, – подумал Бойков.

– Ну-с молодой человек, так и будем молчать?

– А о чем говорить?

– То есть как это, о чем?! – притворно удивился следователь. – Вы тут чуть не до смерти угрохали своего товарища, а теперь спрашиваете, о чем говорить.

– Ага, это вы насчет Веньки Савостьянова?

– Какие мы догадливые! Не прошло и часа как сообразил.

– А чего тут говорить? Он за мной гнался, прыгнул, но не рассчитал, и залетел в карьер.

Мы вызвали скорую помощь, поехали с ним в больницу. Потом я его отцу позвонил. Вот и всё.

– И всё?! А по показаниям ваших товарищей, вы его спихнули в карьер.

– Это какие товарищи? Табаки, что ли?

– Во-первых, вопросы здесь задаю я. А во-вторых, почему Табаки?

– Это у Киплинга, Маугли. Там был тигр Шер-Хан, а у него шакал Табаки. Ну а эти у Веньки шестерили. Вот и получили такое прозвище.

– Может быть, может быть, – следователь задумчиво барабанил пальцами по столу. –

Но вот, кому я должен верить?

– А они вообще ничего не видели.

– Не понял.

– Когда они выбежали из леса, Венька уже лежал в карьере.

– А почему вы утверждаете, что они ничего не видели? Они дали очень подробные показания.

– А потому, что когда они подбежали ко мне, то спросили, где Венька. Если бы они видели, что случилось, то такого вопроса не задали.

– Мне вот что не совсем понятно. Судя по осмотру на месте, Савостьянов должен был пролететь за край карьера не менее, чем на полтора – два метра. Могли вы его кинуть на такое расстояние?

– Не знаю, не пробовал.

– А как же тогда?

– Предположить по собственному опыту могу... Сильно разбежишься – сразу не остановишься. Инерция движения...

– Значит, инерция движения во всем виноватая, – сказал следователь, выслушав объяснения Бориса. – А что же делать со свидетельскими показаниями?

– А что у вас делают со лжесвидетелями?

Следственные эксперименты подтвердили показания Бойкова.

В отделе народного образования

Председательствующий: «У нас на повестке дня три вопроса, а именно успеваемость по итогам закончившегося учебного года, присуждение золотых и серебряных медалей, выдвижение кандидатов на получение стипендий в высших учебных заведениях. Что касается успеваемости, то результаты даже чуть лучше среднегодовых за последние пять лет. Отчет Одела Народного Образования вам выдан. К его обсуждению мы вернемся во второй половине дня. По золотым и серебряным медалям, насколько мне известно, расхождений во мнениях нет, за исключением кандидатуры Бориса Бойкова. Прошу высказываться. Марат Сократович, вы хотите что-то сказать? Прошу вас.»

– Мне непонятно, почему возник вопрос о медали для Бойкова. Нет ни одной четверки, дисциплинирован, хороший общественник, пользуется заслуженным уважением товарищей...

Лисицын, зам начальника ОНО: «Он же под следствием состоял по обвинению в нанесении тяжких увечий своему школьному товарищу. Как же мы такому человеку будем присуждать золотую медаль, да еще его кандидатуру выставляют на получение ВУЗовской стипендии. Вот и статья в городской газете опубликована – так и называется «Волк в шкуре отличника». Вообще непонятно почему его фамилия в списке кандидатов на золотую медаль фигурирует...».

На стипендию школа выдвинуть Бориса не смогла. Для получения высшего образования оставался последний выход.

Военком с сомнением смотрел на невысокого худощавого паренька: «Военная служба не сахар. Как у вас со здоровьем?»

– Не жалуюсь.

– Ладно. Пройдете медкомиссию. Если все в норме, направим вас в пехотное училище. Отслужите положенное, и институт за нами.

– Женечка, ничего не получается. Придется в военное училище. Слушай, давай поженимся. Ты меня будешь ждать. А потом у нас будет всё хорошо.

– Боренька, я тебя очень люблю. Если ты хочешь меня взять – я готова.

А жениться нам не следует. И ждать я тебя не должна.

– Женька, почему?!

– Боря – ты ракета. Всякий дополнительный груз тебя выведет не на ту орбиту. Пойми, я тебя от сердца отрываю, но иначе нельзя. Не грусти, а то я сама сейчас разревусь. Мы еще встретимся, когда будем нужны друг другу. А теперь прощай. Женя крепко поцеловала Бориса и ушла.

Нина

Душевные раны в юности излечиваются, как правило, быстро – был бы лекарь подходящий. А ежели этого лекаря под боком нет, то его ищут, иногда сознательно, чаще – инстинктивно. Вот этот инстинктивный поиск и начал Борис примерно через полгода после того как расстался с Женей. Конечно, первое время в училище было не до того. Там вообще в течение первых месяцев загружали новых курсантов на всю катушку, так сказать «проверяли на вшивость», то есть выясняли, что за человек будущий офицер, и следует ли на него тратить время, силы и средства. Но вот испытательный срок прошел, и начал Борис оглядываться вокруг. Не успел оглянуться как кто-то из курсантов заорал на всю казарму: «Сегодня в клубе танцы!!! Ур-р-ра-а!!!»

Все начали чиститься, прихорашиваться, одеколон раздобыли (чтобы надушиться, а не во-внутрь).

Борис не отставал от товарищей – отгладил и без того доведенные до состояния бритвы складки парадных брюк, начистил ботинки (вспомнилось из Куприна «Офицер должен отличаться не только блеском души, но и благородством сапог.»)

В танц-зале, в столовой отодвинули к стене столы, не торопясь огляделся вокруг и решительным шагом направился к приглянувшейся ему девушке. Танцором Борис был приличным: в школе на танц-кружок с Женей ходили.

Во время танца перекинулись с партнершей несколькими фразами, а в конце Нина шепнула: «Белый танец мой!»

Но до белого танца дело не дошло. К Борису подошли несколько старшекурсников и предложили «прогуляться».

– Ребята, знаю я ваши прогулки! – возмутилась Нина. – Боря, не ходи, они тебя побьют!

– Ниночка, не беспокойся, я через полчаса вернусь.

– Вот видишь, Нина, он сам тебе говорит, чтобы не беспокоилась. А мы только побеседуем, узнаем, почему он не успел еще с ветки слезть, а уже к нашим девочкам пристаёт.

Выйдя на плац Борис бросил оскорбительный жест в сторону «пригласивших» его старшекурсников и... побежал. Курсанты бросились догонять, обзывая коварного Бориса, – Не дает себя излупить, скотина безрогая! – последними словами. Борис, которого в свое время «натренировал» Венька, бежал так, чтобы преследователи не догнали, но в то же время не очень отставали. Примерно через четверть часа парни выдохлись, а Борис повернул обратно на танцы.

– Боря, ты живой, не побитый?!

– Как видишь.

– А где эти гады?

– Отдыхают.

– Ты что, их всех излупил?!

– Пальцем не тронул.

– А как же тогда?

– Ладно, Ниночка. Будем считать, что это секрет фирмы. И вообще давай поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, могу ли я тебя сегодня проводить?

– Ты, конечно, можешь. А вот захочу ли я? Ну ладно, ладно, проводи, – поспешила добавить, увидев как погрузился Борис.

Провожание затянулось чуть ли не до утра и стоило Борису трех нарядов вне очереди и увольнительных на целых две недели, причем ротный еще сказал: «Радуйся, что я сегодня в хорошем настроении, а то быть бы тебе на губе.»

Фирсов

– Парни, Бойкова не видели? – однокурсник Бориса – Женя Фирсов – беспокойно оглядывался по сторонам.

– В спортзале на кольцах уголок держит.

Борис, действительно тренировался на кольцах.

– Суворов, брось ты эту бодягу, дело на сто тыщ есть.

– Так мало? – Борис аккуратно соскочил с колец. – В чем дело, Женюра?

– Погибаю, Боренька, во цвете лет погибаю! У меня завтра зачет по логистике.

– Ладно, пошли.

В комнате для самоподготовки Фирсов протянул Борису листок-задание.

– Так, десантный батальон, десятидневный рейд по тылам противника. Женька, за что тебя наш тактик так не любит?

– Очень сложно?

– Задача, практически, не имеет решения.

– Да ты что?!

– Ну посуди сам. Допустим, батальон забросят в тыл противника на вертолетах. Постоянное матобеспечение он получить не сможет – это понятно и ежу.

– Понятно.

– Значит, как черепаха, все мое ношу с собой. Вот и прикинь, сколько каждый солдат должен на горбу тащить.

– Ну ведь можно сколько-то машин вместе с десантом сбросить.

– Ну да, а к ним топливо, и мехмастерскую... Так за что тебя тактик не любит?

– Он член КПРФ, а я сын олигарха.

– А ежели ты такой богатенький Буратино, так какого рожна ты здесь забыл?

– Не хочу на отцовской шее в рай въезжать.

– Ладно, давай считать обоснование...

– Подожди, а ты с твоим аттестатом что в этой дыре делаешь? Зарезал кого?

– К сожалению, нет, а надо бы. Всё, кончай вечер воспоминаний, у меня самого тоже дел невпроворот.

Ах эта Ниночка!

– Ох, Боренька, наконец-то! Я за тебя папке всю шею прогрызла! – Нина просто светила от радости. – А за что тебя на этот раз?

– Тактик наш пожаловался, что я ему методичку порчу.

– Сложно все это. Пошли в кафе.

– Не пошли. Денег нет.

– На том свете угольками сосчитаемся.

– А на этом?

– Знаешь что? Пошли к нам – папка на совещание уехал.

– А ты мне так и не сказала, кто у тебя папа.

– Потом скажу, а то испугаешься...

– Ниночка, придется нам с тобой пожениться.

– Только из-за этого? – Нина сбросила простыню и подошла к Борису, который у зеркала приводил в порядок обмундирование. Обняла его сзади, прижалась губами к стриженному затылку. – Не торопи события, глупенький.

Но события все-таки пришлось поторопить...

К концу второго курса, примерно за месяц до выпускных экзаменов, Борис и Нина решили пожениться.

– Папка, у меня к тебе серьезнейшее дело.

– Ну уж если серьезнейшее...

– Мне не до шуток!

– С Борисом поссорилась?

– Хуже, беременна.

– О чем же этот сучий потрох думал?! Я его в порошок сотру! Он у меня...

– Папка, не надо. Мы с Борей решили пожениться.

– Это только из-за беременности?

– Мы любим друг друга.

Полковник дого молчал. Мать Нины умерла при родах. Пришлось растить дочку одному. И вот теперь...

– Что тебе сказать? Честно говоря, лучшего жениха, пожалуй, здесь не найти. Борис парень серьезный и очень перспективный. За ним ты будешь как за каменной стеной. Проблема в тебе...

Свадьбу сыграли очень скромно. Пригласили только ближайших друзей отца, двух подруг Нины, а со стороны Бориса пришел Женя Фирсов. Борис поддерживал хорошие отношения со всеми курсантами, но по настоящему сдружился только с Фирсовым.

На распределении Бориса ожидал сюрприз. Председатель комиссии, седой генерал со шрамом через всю левую щеку – получил во время очередного кавказского восстания фундаменталистов – встал, пожал Борису руку и сказал: «Учитывая ваши успехи в учебе, а также проявленные при этом недюжинные педагогические способности, – в комиссии начали улыбаться, припоминая сколько Борис претерпел от преподавателей за нестандартные решения, которые он предлагал своим товарищам, когда они обращались к нему за помощью, – руководство училища решило оставить вас на преподавательской работе, – и тихонько, – жену поздравьте.»

У лейтенанта Бойкова, младшего преподавателя на кафедре логистики, сегодня на редкость неудачный день. Утром на него окрысился заведующий кафедрой, видно не с той ноги встал, заявил, что некоторые, которые пороха не нюхали и вообще от горшка два вершка, много о себе понимают, а дело от этого страдает, и что вообще он, зав. кафедрой, намерен в

ближайшее время предпринять самые решительные меры по наведению на вверенной ему кафедре должного порядка. Потом на лабораторных занятиях курсанты распоясались и чуть было не сорвали занятия. В библиотеке, куда он зашел за обещанным ему атласом основных сражений Второй Мировой Войны, библиотекаршу заменяла какая-то новенькая сотрудница, и она не смогла найти этот атлас.

Поэтому Борис возвращался домой, то есть в выделенную ему и Нине двухкомнатную квартиру, в скверном настроении. Правда, оно, это настроение, когда он увидел свет в окне спальни, сразу улучшилось:

Нина дома. В последнее время она частенько задерживалась на работе в бухгалтерии училища, говорила, что очень запутанная отчетность и приходится разбираться.

– *Слава богу, посидим хоть один вечерок вместе, поговорим, может даже в кино сходим – не был там целую вечность.*

Дверь в квартиру открылась бесшумно – недавно по просьбе Нины смазал петли. Сквозь неплотно прикрытую дверь спальни пробивался свет. На цыпочках подобрался к двери спальни: – *А вот я сейчас Нину напугаю!*

Но что это?! Первое, что бросилось в глаза – широченный мужской волосатый зад, ритмично поднимавшийся и опускавшийся, и обхватившие этот зад прекрасные длинные ноги Ниночки.

– Это еще что такое?!!

Дикий вопль Нины: «Боренька, спаси!!! Он меня насилует!!!»

Борис схватил за волосы и рванул на себя голову насильника. Мелькнула мысль: «*А почему она его ногами охватила?*».

Борис отвесил мужику несколько увесистых пощечин, и только потом разобрался, что передним во всей первородной красе предстал с еще подрагивающимся пенисом майор Кибельников с кафедры строевой подготовки.

– Вы что это себе позволяете?! Как вы смеете!!! Я старше по званию и не позволю...

– Боренька, врежь этой сволочи!

– А ты, сука, молчи! Ишь, насилывал я её, как же! Да тебя, бл...дь, чуть не весь ганизон...

Его изливания были прерваны Борисом, который стал молотить майора по всем правилам приемов рукопашного боя. Кибельников рванул к наружной двери...

– Гражданин, стойте! – к голому майору спешил комендантский патруль. – Кто такой, предъявите документы!

– Я, я майор Кибельников, меня здесь все знают.

– А почему не по форме одеты?

– У меня, видите ли...

– Ладно, в комендатуре разберутся. Идите вперед!

Над сержантом Угаровым долго потешались товарищи: додумался у голого человека документы требовать.

Но майору Кибельникову и лейтенанту Бойкову было не до смеха.

По рукам в училище ходила карикатура: голого Кибельникова с гротескно укрупненными анатомическими деталями конвоирует комендантский патруль со штыками наперевес. А Борису по жалобе того же Кибельникова грозил трибунал. С Ниной развелись тихо, без скандала.

Только отец Нины, полковник Свищев, горесно вздохнул: «Э-эх, как была ты полковая, так, видно, и останешься. Хорошо еще, что ребенка не осталось. Тревога Нины по поводу беременности оказалась ложной – была всего лишь небольшая задержка месячных.

Бориса откомандировали в интернациональный корпус генерала Миллза.

Дело о тяжких телесных повреждениях

Начальник следственной части горотдела МВД поднял трубку: «Филимонов слушает!»

– Авдей Петрович, выручай! – В голосе начальника Семеновского райотдела звучало неподдельное отчаяние. – У меня, понимаешь, отчет на носу, а с чем я прийду? Висяков до черта, да еще тут за два месяца три нападения с тяжкими телесными повреждениями – абсолютные глухари. Мои следоки даже не знают как к ним подступиться: ни следов, ни жалоб. Выручай, брат. За мной не пропадет.

– И чего ты, Михалыч, этих дармоедов держишь? Чуть что сложней внутриквартирной драки – они уже скисают.

– Найди других, я этих выгоню.

– Ну ладно, так и быть, присылай мне эти «тяжкие повреждения». За тобой должок.

– Ну о чем ты говоришь, конечно! Вот сейчас с курьером и пришлю все три дела. Сдается мне, что там что-то нечисто.

Филимонов взвесил на руке полученный с нарочным пакет: «*Увесистый! Да толку что? Писанины много – вроде бы работу провели. А результат нулевой.*»

– Колупаев, где там эта дикая фауна болтается? Никогда их на месте не бывает!

– Так ведь до конца обеда еще четверть часа, Авдей Петрович. Они, небось в пинг-понг режутся.

– Много говоришь, Колупаев. Ладно, чтоб после обеда сразу ко мне. Кипяток-то у нас еще есть?

– Сейчас я вам чайку свежего заварю.

– Спасибо, родной, пропал бы я без тебя. Насчет фауны не забудь! – Как можно?!

– Так, наигрались, значит? И поесть, небось, не успели? Язву наживете, а кто в ответе? Петрович молодежь не жалеет – так что ли? Ладно, башибузуки, вот вам пакет на двоих. Завтра доложите что к чему. Деньги то на обед есть?

– Найдем, Авдей Петрович!

– Тогда чтоб через пятнадцать минут были на месте.

– Слушаем, гражданин начальник! – И неразлучная пара, Козлов и Баранов, помчалась в буфет.

– Ну что, Баран, поделим это дело?

– Никогда бараны с козлами не спорили. Давай два дела, – и друзья принялись за работу.

Всего год назад после окончания высшей школы МВД они были направлены в следственный отдел, и успели заработать репутацию серьезных вдумчивых работников у начальства и отчаянных сердцеедов у сотрудниц.

– Ну, Козлик, какое будет твое просвещенное мнение, – спросил Баранов на следующий день, когда все три дела были ими основательно изучены.

– Знаешь, такое ощущение, как будто эти дела писались под копирку. Только фамилии, время и место действия менялись.

– Вот-вот, и я так думаю. И вот еще что – никаких следов нападавших или нападавшего...

– И никаких жалоб со стороны потерпевших.

– Вообще говоря, это пахнет. Когда пострадавшие претензий не имеют, то, как правило, надо предъявлять претензии пострадавшим.

– Ой, Козлик, какой ты умный! Даже непонятно, почему ты до сих пор такой бедный.

– Ладно, Юрка. Ты мне вот на какой вопрос ответь: Если эти дела так похожи, то не было ли в прошлом у пострадавших чего либо общего?

– Общие грехи? Очень похоже. Слушай, а травмы тебе ни о чем не говорят?

– Ты имеешь ввиду травмы гениталий? Да-с, там даже надрывы, какие могут возникнуть при резком сильном ударе.

– Во-во, и у всех троих одинаковые. Может это им возмездие за какие-то сексуальные прегрешения? Надо посмотреть базу данных: может в прошлом что-нибудь отыщется.

Два часа поисков по компьютеру ничего не дали. Зато выявилось много «глухарей».

– Козлик, а Козлик...

– Что тебе, Барашек Белый?

– Давай пройдемся по чисто сексуальным делам. Ты же сам говорил, что дела этих бедолаг могут иметь сексуальную подоплотную.

Нераскрытых дел об изнасилованиях и сексуальных извращениях хватало. Баранов и Козлов хотели уже рукой махнуть, и вдруг...

– Юрка, смотри, что я надыбал. Правда это случилось около двух лет назад... а все-таки, а вдруг!

– Так, при патрульном обходе в парковой зоне обнаружены Гордеева Ирина со следами жестокого изнасилования и Алексей Волков с травмой головы и предплечья. Волков без сознания, а Гордеева в глубоком шоке.

– Ну это может не иметь никакого отношения к нашему делу.

– Володя, ты, конечно, как всегда прав, а все-таки хорошо бы поспросить.

– Быть по сему. Пошли к Авдеичу.

Получив разрешение Владимир и Юрий приступили к расспросам.

Через три дня молодые следователи предстали перед шефом.

– Ну-с, Шерлоки, что вы там узнали?

– Давай, Баранов, говори, у тебя складнее получается.

– Авдей Петрович, вроде бы мы узнали всё, но для суда это не годится.

– Хорошее начало! Ладно, продолжай.

– Два года назад поздно вечером патрулем в парковой зоне были обнаружены Гордеева и Волков. Гордеева со следами жестокого, возможно, группового изнасилования находилась в глубоком шоке. Волков с травмами головы и предплечья – в бессознательном состоянии. В ходе расследования вскрылось интересное обстоятельство, а именно, через день после происшествия в парковой зоне повесился Старчук Евгений – одноклассник Гордеевой и Волкова.

– Ну, это не новость. Мы тогда выясняли. Было заключение психиатра о том, что Старчук страдал маниакально-депрессивным психозом. Никакой связи с нападением на Гордееву и Волкова установлено не было.

– А по расспросам в школе мы узнали, что Гордеева и Волков дружили чуть не с первого класса. Их даже называли «Наши Ромео и Джульетта». А в девятом классе в Гордееву безнадежно влюбился Евгений Старчук.

– Вы хотите сказать, что он от безнадеги повесился? Может его психоз и был связан с этим обстоятельством?

– Нет, Авдей Петрович, незадолго до события в парковой зоне Старчук заявил после очередного разговора с Гордеевой: «Не мне, так никому.»

– Ну мало ли что мальчишка может сказать с досады.

– Согласен. Но трое пострадававших парней были то ли друзьями, то ли просто прихлебателями у Старчука – папочка его, как вам известно, чуть не первый богачей в нашем городе. Да и этот маниакально-депрессивный психоз у Старчука был обнаружен только после его смерти. Может быть нервы не выдержали, когда увидел в натуре во что его месть вылилась.

– Может быть. А насчет диагноза – это точно?

– Проверено.

– Получается, кто-то хотел показать, что смерть Старчука к изнасилованию Гордеевой отношения не имеет, так что ли? Расплывчато больно. Ну ладно, продолжайте.

– Поговорить с Гордеевой мы не смогли. Ее сразу после окончания лечения в закрытой клинике увезли куда-то.

– Я пока не вижу в этом деле Волкова.

– Волков после выхода из больницы перевелся в другую школу.

– Это понятно, психологическая травма и всё такое, хотелось уйти от всего, что напоминал прошлое.

– Наверное, вы правы. Да, между нападением на Гордееву и Волкова и избиванием этих парней прошло почти два года. Установлено, что всё это время Алексей Волков занимался в центральном спортклубе восточными единоборствами.

– М-да. Что вы еще узнали?

– Волков подал заявление о зачислении в офицерское училище.

– Та-а-к, значит, мавр сделал свое дело... Вроде бы все так, а суду предъявлять нечего. Конечно, то, что побитые парни отказываются жаловаться, говорит не в их пользу. Скорее всего они боятся, что раскроется заново дело об изнасиловании. Тогда им очень большой срок светит. Конечно, – продолжал Филимонов, – Семеновскому райотделу это ситуацию с раскрываемостью не улучшит. Когда в школе выпускные экзамены кончатся? – А Волков их досрочно сдал в связи с отъездом в офицерскую школу.

Так вот, Михалыч, такие вот дела, – Филимонов грустно смотрел на начальника райотдела милиции. – Конечно, если задействовать анализ ДНК, можно довести эти дела до суда.

– Да нет, пусть уж всё так останется. Этих сволочей я бы засадил, да папочка Старчук не даст марать память сыночка. Ну и, конечно, Волков... Говоришь, в офицеры подался. Вот пускай Родине и послужит. А всяки и глухари были и будут. – Неожиданно глаза начальника райотдела загорелись. – Слушай, Авдей Петрович, откомандировал бы ты мне этих твоих следоков на пару месяцев, а? Глядишь, у меня раскрываемость бы повысилась. Да и мои дармоеды увидят как работать следует.

– Застенчивый ты человек, Михалыч. Где позавтракал, туда и обедать норовишь. Ладно, поможем товарищам кочегарам.

– Это ты чего?

– А это фильм был такой «Волга-Волга».

А за два года до этого...

Следователь докладывал прокурору района: «Факты, конечно есть. Все признаки коллективного изнасилования. Да и по обстоятельствам дела можно понять, что справиться с таким физически развитым парнем как Волков, особенно когда он защищает любимую девушку, кому либо в одиночку вряд ли удалось бы.

– Ну, может быть какое-то холодное или там огнестрельное оружие...

– Судя по травмам Волкова у нападавших могли быть биты, но чтоб ножи или еще что-нибудь... Поговорить ни с Волковым ни Гордеевой не удалось. Как я ни пытался Волкова разговорить, ничего не вышло. С лица черный и, знаете, есть такое народное выражение «закаменел».

– Скорее всего это защитная реакция такая. Это пройдет. А Гордеева?

– Даже в палату не пустили. И то сказать, помимо всего прочего это еще и психическая травма страшная.

– Знаете Аверьянов, у меня почему-то такое ощущение, что вы что-то все-таки зацепили.

– Я и сам не знаю. Повесился одноклассник потерпевших Старчук Евгений. Записка непонятная, отдельные слова. Их много. В основном ругательства. Вот фотокопия.

– Неразборчиво, – прокурор достал лупу. – Писал явно в состоянии аффекта.

– Он повесился через два дня после этого события.

– А почему вы эти два события связываете?

– Соученики рассказали, что Старчук был влюблен в Гордееву, но без взаимности. Она много лет дружила с Волковым. А Старчук как-то выпивши сказал о Гордеевой, дескать, если не мне, то никому.

– Ну это всё разговоры. Их к делу не пришьешь.

– Вот и я то же самое говорю. А если принять версию об участии Старчука...

– Я тоже думаю, что Старчук все это организовал. А потом видно нервы не выдержали – все-таки не закоренелый бандит, а всего лишь мальчишка. Знаете что? Закрывайте это дело. Сделанного не воротишь. Старчука этого тоже не воскресить. Доказательная база никакая.

– Может, подождать пока Волков отойдет, и тогда допросить.

– Не будем ворошить. Да и отец парня так травмирован...

Следователь понял, что прокурор не хочет связываться с одним из богатейших и влиятельных людей города.

В армии

– Алексей, пляши!

– С какого еще бодуна?

– Письмо!

– Давай.

– А плясать? – но посмотрев на помрачневшего Волкова сосед по казарме решил не настаивать.

Алексей, отложил учебник по общевоинской подготовке, посмотрел на обратный адрес – письмо было от тетки – единственной на всем свете родственницы. После рассказа о местных новостях и вопросов о самочувствии и успехах в учебе тетка писала: «А еще приходил большой милицкий начальник, спрашивал как у тебя дела, и сказал, что пока тебе в наш город возвращаться не следует, чего-то они там обнаружили, а что именно говорить не стал. А я ничего не знаю.»

Там, в Белуджистане

Конечно, у ветерана Афганской войны, генерала Миллза, были привычки не всегда понятные новичкам. Так, он наотрез отказывался размещать свой штаб в каменных строениях, а его палатка внешне ничем не отличалась от палаток рядового состава. Больше того, на новом месте штабная палатка могла оказаться во втором или в третьем ряду, но никогда в центре лагеря. Может быть этим объяснялись неудачи покушений на генерала змеесмертников, как называли в отряде специально обученных моджахедов, умевших по пластунски проползти мимо постов.

Сегодня в палатке генерала совещание. У походного стола собрались командиры подразделений спецотряда. Этот отряд был, кажется, последней надеждой командования. Никому до сих пор не удавалось не только захватить, но даже и получить портрет командира белуджистанских повстанцев, а он контролировал всю северо-восточную часть провинции. Захваченные в плен моджахеды не давали показаний, хотя у командования экспедиционного корпуса по части допросов были крупные специалисты.

– Итак, господа интернационалисты, – генерал усмехнулся своей шутке: Когда-то так называли оккупировавшие Афганистан советские войска, но сегодня это слово приобрело прямой смысл, так как отряд состоял из подразделений, выделенных несколькими государствами, в том числе и Россией. – Мы – отряд мирного сотрудничества. Наша задача помочь населению Белуджистана. Мы создаем госпиталь, строим ветровые электростанции, водопроводные станции и водоводы, чтобы обеспечить население чистой водой. Мы не планируем вести никакие военные действия, кроме охраны медицинского и технического персонала. Нам выделено некоторое количество переводчиков, знающих местные языки и обычаи. Все общение с местным населением и властями только через них. Старайтесь сами тоже изучать местные обычаи, чтобы ненароком никого здесь не обидеть, в первую очередь муллу и учителя. Добьемся доверия – они сами к нам придут: война им тоже осточертела.

Капитан Волков закрыл папку с сопроводительными документами только что прибывшего в его распоряжение лейтенанта Бойкова: «Ну что ж, будем служить вместе. Место для службы, прямо скажем не самое комфортное. Твоего предшественника, старшего лейтенанта Смирнова, змеесмертники прямо в его палатке зарезали. Нет, ты не думай, караульная служба здесь хорошо поставлена, а вот пооди ж ты! Это я к тому, чтоб тебе служба медом не казалась, и чтобы галок ртом не ловил. Ладно, не сердись, – заметив как нахмурился Бойков, – это я, чтоб ты проникся. Слушай, а ты, того, на спиртное не очень налегаешь? А может наркотиками балуешься?»

– С чего это вы взяли?

– Да вот смотрю, оценки у тебя что в школе, что в училище. Вот даже на преподавательскую работу оставляли и вдруг в наши палестины.

– А это я одному старшему офицеру объяснил, кто он такой есть.

– Хорошо, при случае расскажешь. Пока устраивайся. Сергунин!

Никогда на месте не бывает!

– Обижаете, гражданин начальник! – Глаза вестового смеялись, – всё время здесь.

Здесь, видно, всё по простому, жизнь фронтовая.

– Помогите товарищу лейтенанту. Завтра примите взвод Смирнова. А сегодня осматривайтесь, обустройтесь, – перешел в присутствии вестового на ВВ. Обед в четырнадцать ноль ноль по местному времени. Часы переведите.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – честь отдал очень четко, подчеркивая свое подчиненное положение.

– Не сердчай, лейтенант, всё образуется.

Два месяца спустя

– Душа у меня за тебя не болит, Борис. Взводом командуешь нормально. Вот только формальности надо бы поменьше: Все мы тут под богом ходим.

– Учту, Алексей Иванович.

– Можно просто Алексей. Теперь вот что. – Смотри сюда, – Волков развернул крупномасштабную карту местности. – Вот здесь мы, а здесь, – он показал точку в пяти километрах по прямой от базы отряда, – стоит небольшое деревце, что-то вроде японской карликовой сосны, разлапистое такое. Примерно в двадцати шагах к югу от него здоровый валун. Надо мессидж взять. Вопросы есть?

– Местность там пересеченная, горы сами знаете какие...

– Какие-то проблемы?

– Прикрытие требуется.

– Будет прикрытие. Ну, ни пуха, ни пера!

– К черту!

Вернувшись в расположении взвода Бойков вызвал старшего сержанта Гаврилова: «Семен Григорьевич, перед нами поставлена задача...»

– Борис Петрович, а по радио нельзя было?

– Командование боится перехвата. Отбери десять человек понадежнее и повыносливее. Дорога – сплошное скалолазание.

– Ничего, не впервой. Покойный Александр Николаевич мастером спорта был по этой части, и нас кое-чему научил. А снаряжение у англичан одолжим. Они все время тренируются.

В мессидже, доставленном Бойковым, оговаривался план совместной операции одного из отрядов моджахедов с корпусом Миллса по ликвидации базы смертников. Политика опоры на местное население дала свои плоды.

Два года спустя в Дагестане

- Ну что капитан, мыши кошку изловили, в мышеловку посадили? Так что ли?
- Похоже, Алексей Иванович.
- Воды у нас при самом скудном рационировании от силы на два дня хватит...
- А потом они нас без выстрела возьмут.
- Именно. Что предлагаешь?
- Чертовы горы передачи экранируют.
- Правильно мыслишь, Борис Петрович. Значит?
- Нужно вынести передатчик с плеером наверх.
- Решение будет такое. Мы начинаем атаку вдоль дороги. А ты... Скалолазанье не забыл?
- Инструмент всегда при мне.
- Отлично, выходит не зря мы с тобой в Белуджистане тренировались. В общем, хоть как, хоть посмертно, а сигнал должен подать...
- Семен Григорьевич, видишь на том утесе куст?
- Вижу, Борис Петрович.
- Я туда с передатчиком.
- А я прикрываю, так?

Два часа спустя над ущельем как назойливые стрекозы повисли вертолеты. Еще через час к лежавшему без сознания Бойкову пробились спасатели.

В госпитале

Хирург сняла марлевую косынку: «Ну всё, теперь что бог даст. Ему, конечно, повезло. Там в горах холодно, так что получилась естественная гиперемия, а то бы с такой потерей крови...».

На следующий день Борис пришел в себя: «Хм, а чего это мы тут делаем?» – обратился он к соседу по палате.

– Отдыхаем. Ты бы, милый, проверил, всё ли у тебя на месте, а то наша врачиха баба решительная – что угодно отхватить может, не постесняется.

Борис, насколько позволяли повязки, ощупал себя: «Вроде бы все на месте.»

– Ну и слава богу. А то за ними глаз да глаз нужен.

– Козырев, я тебе в другой раз язык отхвачу, чтобы зря не трепался! – В палату даже не вошла, а скорее промаршировала решительным шагом хирург, Аглая Караваева. Она присела на кровать Козырева, откинула одеяло: Шов не болит? Завтра в палату для выздоравливающих. Надо начинать гулять, чтобы спаек не было. А вы как, Бойков?

– А он беспокоится, всё ли у него цело. Бойтся, не отхватили ли вы чего существенного?

После ухода доктора Козырев подошел к кровати Бойкова: «Доктор сказала, что ты в горах мерз. Ты не из отряда Волкова?».

– Оттуда, а что?

– Парни из выздоравливающих говорят, что ты почитай по отвесу чуть не полкилометра вверх прополз. Вроде даже рекорд.

Борис, который к этому времени уже почти что почувствовал себя в форме, а может обезболивающий наркотик давал себя знать, усмехнулся: «Картинку я видел. Две вороны смотрят на реактивный самолет. У него, значит, дым из сопла. Вот одна другой и говорит «Смотри, как быстро летит!», а та отвечает «Вот если бы тебе тоже хвост подожгли, ты бы еще скорее полетела.»

– Понятненько. Значит, прилично вас поджимало. А я по дурости залетел. Короткий шнур оставил, когда мост подрывал. Ну меня и пронесло метров двадцать, наверное, а потом обо что-то шмякнуло. Аглая чуть не последними словами ругалась, дескать мы там дурака валяем, а ей отдуваться.

– Слушай, мне показалось, что тебя ночью кто-то навещал.

– А-а, это... Так у них тут такая процедура, проверяют поправился ты или нет. Ну видно, сомнения насчет моего здоровья были. Меня сестры три ночи подряд проверяли, и все разные. Я уж было жаловаться хотел. А сегодня Аглая, ты сам слышал, сказала, что меня переводят в выздоравливающие. Значит, сестрички, наконец-то положительное заключение о моем здравии сделали.

На следующее утро в палату влетел Фирсов: «Борька, ты?! Мне Козырев в курилке про тебя рассказал. Ну я думал, вряд ли. Тебя ведь в училище оставляли. Но все-таки решил проверить. Ну ты как? Долго еще валяться будешь? Знаешь, у сестричек местных есть способ проверки: приоткроют одеяло – ежели твое мужское достоинство стоит как положено, значит, пошел на поправку. Они тебя еще не проверяли?».

– Идите вы к черту со своими проверками! – рассмеялся Борис, – Мне Козырев про это дело все уши прожужжал. Ты скажи, как ты сюда залетел?

– А это, когда козыревский заряд рвануло, мне тоже досталось. Меня меньше трянуло, я подальше стоял, Козыря прикрывал.

Два дня спустя, поздно ночью на край кровати присела медсестра Тонечка: «Боря, вы не спите? Я спросить хочу, правда ли, что гибриды самые способные?».

– Точно не скажу. Но вот у Ленина в крови черт-те что было намешано-русские, калмыки, евреи и, кажется, еще немцы. А у Пушкина – эфиопы, шведы, русские. А тебе на что?

– Понимаете, Боря... Ой, что-то здесь у вас холодно!

– Лезь под одеяло, согрейся.

– Спасибо, – обняла обеими руками Бориса за шею и прижалась всем телом.

Борис почувствовал, что под халатом у Тони ничего нет. На всякий случай провел легкую разведку руками от талии и ниже, за что и удостоился горячего поцелуя.

– Боренька, подожди, я серьезно. Замуж мне, видно, уже не выйти: и возраст, мне уже тридцать первый год, и сама не бог весть какая красотка, да и вообще... Нет, ты меня не перебивай, А ребенка очень хочется. Ну и, конечно, хорошего.

– А почему именно я? – рассмеялся Борис.

– Боренька, ты ведь еврей? А они все умные и непьющие. Сделай мне, пожалуйста. Ты не думай, у меня к тебе претензий не будет.

– А вот это ты зря. Я своих байстрюков на произвол судьбы бросать не буду. А уж проверять, мой ли, стану обязательно. – Борис повернул Тоню на спину, а она раздвинула ноги и открылась навстречу Борису.

С тех пор, пока Бориса не перевели в палату для выздоравливающих, они все ночи проводили вместе.

Фирсов, регулярно навещавший Бойкова, зашел попрощаться: «Всё, покидаю сию обитель! Получил путевку в санаторий. Вот мои координаты в Москве. Всегда буду рад. Да, вот еще что. Меня, наверное, комиссуют. Тебя тоже. Что дальше делать намерен?».

– Меня, пока еще не комиссовали, но скорее всего ты прав, да и срок у меня подходит. А насчет будущего... Я высшее образование получать пойду. Тем более, что мне с армии кое-что причитается. Не очень жирно, но продержусь.

– Во, и я тоже самое. Выпишешься, приезжай в Москву. Там всё и обсудим. Только без дураков! Я буду ждать!

Через несколько дней появился Волков, запыхавшийся, пропахший потом, ремнями и прочими солдатскими запахами: «Уф, наконец-то я тебя нашел! Такая везде неразбериха! Никто ничего не знает. Ну как ты, герой? Что врачи говорят?».

– У меня всё нормально. Доктор обещала перевести в палату для выздоравливающих. А как там Гаврилов?

– Гаврилова тоже ранило, но легко. Он, когда мы узнали где ты, хотел со мной поехать. Ну, у нас пока еще не мирное время. Не получилось. А отряд тебе привет передает. Интересно, вернется ли капитан.

– Говорил вчера с Аглаей, это наш хирург, комиссуют меня.

– Ну и правильно. Не та война, чтобы на нее рваться. Да, кстати, английская королева нас с тобой орденом наградила за Гималаи. А здесь решение вышло – не награждать за войну на Кавказе. На Антона Ивановича Деникина ссылаются. Он своих солдат и офицеров не награждал, говорил, что когда свои своих бьют, то гордиться нечем. В общем, ты того, не исчезай. Пока на нашу часть пиши, что у тебя там в Москве получится. А я, когда координаты изменятся, тебе сообщу.

Мирное время

Борис и Евгений

Фирсов-старший, к своим шестидесяти начавший грузнеть, несмотря на ежедневные занятия утренней гимнастикой и попытки соблюдать диету, слегка побряхтывая поднялся с бокалом в руках и обратился к своей неразлучной спутнице на трудных житейских путях: «Вот, мать, полюбуйся на дело рук своих. Вырастили, понимаешь, детину. Тридцать второй годик Женьке нашему пошел, перестарок можно сказать. В его годы у нормальных людей уже по пятеро своих отпрысков, а он еще даже не женат!»

– Ну, отец, я точно, конечно, не знаю, но, наверное, какие-то отпрыски у меня есть.

– Нет, мать, ты погляди на этого сукиного...

– Ты чего ж это меня ругаешь, старый ты хрыч! – Слова были сказаны сердито, но глаза Арины Семеновны смеялись.

– Ах да, извини, действительно, навел меня сынок наш на грех. Я, конечно, не об этом хотел сказать. В-первых, надо вас с Борисом поздравить. Дипломы с отличием – это очень хорошо, но главное – темы дипломных работ. Я читал ваши работы с карандашом в руках. Зрело, разумно. Все-таки не зря я вас каждое лето по нефтепромыслам гонял. Вот за это и выпьем. За инженеров!

В комнате воцарилось молчание, все принялись за трапезу.

Потом снова взял слово Николай Евгеньевич: «А вообще-то, интересно у вас получается: вместе военное училище, вместе Техуниверситет. Прямо попугаи неразлучники. Впрочем, может это и к лучшему. Мы с Ариной последнее время вас даже различать перестали.

– Ну вот, разговорился! – Арина Семеновна нахмурилась. – Боренька, отодвинь от него бутылку, а то он еще чего скажет.

– А чего это я не так сказал?

– Так, конечно, так, но говорить то об этом зачем, только Бореньку смущать.

– Его смутишь, как же! Вон как на защите с профессорами спорил. А что это вы ребятки притихли?

– Да вот, думаем, – отозвался Евгений, – куда теперь подаваться.

Шесть лет назад «битый, раненый, контуженный, но здоровый и живой» (Твардовский) Женя после комиссования заявился домой. «Здорово, предки! – начал весьма браво защитник Отечества, а потом не выдержал, – Mamочка, это я! Не узнаешь?!»

Это восклицание вывело из ступора онемевшую от неожиданного появления сына Арину Семеновну. Она плача бросилась на шею Евгению.

– Ну, мамочка, ты не очень, я еще не совсем поправился.

Две недели спустя Евгений почти что силой притащил, несмотря на его отчаянные протесты, также комиссованного по ранениям Бориса:

«Знакомьтесь, предки. Это Борис Бойков, мой...»

Но Арина Семеновна перебила его: «А мы с ним давно знакомы. Еще с вашего училища. Ты нам в каждом письме не о себе, а о Борисе писал. Мы даже с отцом немного обижались. Боря, вы куда?»

– Мне в институтском общежитии койку обещали. Надо пойти занять, пока они там не раздумали.

– Еще чего! – вступил в разговор Фирсов старший. – Вон, во дворе флигель свободный. Сейчас же ремонт произведем, и через неделю въезжайте... оба. А пока в доме что-нибудь

найдем. И нечего тут... это все для дела. А расходы? Начнешь зарабатывать, расплатишься. Извини на Ты перешел.

– Да нет, пожалуйста. Только чтоб вам не в тягость.

Лагерь предпринимательской подготовки

– Борька, что делать будем? Денег-то всего два чемодана осталось.
Друзья задумались. Денег, полученных при демобилизации, только только хватало на оплату учебы в институте, а остальное добывали подработками, но и их становилось все меньше.

– Слушай, Женюра, а что с твоим репетиторством стряслось? Там вроде неплохой кусок был.

– Мамаши очень ласковой стала, а папочке это почему-то не понравилось.

– Что, никак в кровати застукал?

– Почти что. Чем мои похождения обсуждать, ты бы какую-нибудь плодотворную идею сгенерировал.

– К родителю за кредитом обратиться не хочешь? Ну и правильно: все-таки уже взрослые дети.

– Борька, ты не философствуй, ты думай!

– А чего тут думать? Что у нас тобой за душой?

– Ни шиша!

– А вот тут-то, батенька, мы вас и поправим, – с характерным псевдо-ленинским выговором заявил Борис. – У нас с тобой за плечами громадный опыт.

– Стой!

– Стою, – развалившись в кресле сказал Борис.

– Есть идея! Понимаешь, призыв в армию еще никто не отменял...

– Ага, а родители этой самой армии, как черт ладана, боятся.

– Да ведь не без основания.

– Это уж что говорить, только расстраиваться.

– Вот именно! А что если два опытных офицера создадут курсы по физико-психологической подготовке допризывников?

– Ага, и привлечем к этому делу офицеров из тех частей, куда эти несмышлениши потом попадут.

– А откуда нам знать, куда они попадут?

– А дяди из военкомата на что?

И вместе пропели куплет из давно забытой пьесы:

Ты вчера повестку получил
Говорят, ты нужен военкому.
Ласков будь, приказ его учти.
До зари ты выходи из дому.

– Борис, пиши объявление, да позабористее. А я его в газетах и на сайтах помещу.

– А пенензы где возьмешь?

– А вот на это можно у моего родителя кредит взять под божеский процент. Это не вспомоществование, а чистой воды бизнес.

Полгода спустя

- Борис, я эмигрировать хочу.
- Далеко?
- К черту на рога! Вытащили мы с тобой джина из бутылки...
- Это уж точно. Родители призывников просто с ума посходили: Просто с ножом к горлу. Бери моего несмышленыша и все тут!
- А половину этих «несмышленышей» не худо бы через колонию пропустить. Сколько их на сегодня?
- Вчера было двести тридцать, сегодня двести десять. Двадцать пришлось отчислить к трепаной матери.
- Что так строго?
- А ты бы не отлыниывал от дела, тогда знал бы. Эти паскудники и здесь пытались дедовщину организовать.
- Ну что ж, доведем этот год и баста.
- Не знаю Женя, не знаю. Оказалось, дело нужное. А потом коллектив из отставников, физкультурников и психологов образовался, живой, так сказать, организм, сам себя поддерживать может.
- Ну так чего нам огорчаться? Оставим за собой шефство, ну и оргвопросы, конечно.
- И будем стричь купоны?
- А ты, Борис, заелся. Вчера не знал на что пообедать, а сегодня к деньгам с презрением. А разворачиваться нам после института на какие шиши?
- Насчет купонов, это я зря. Признаю. Все, что мне набежит, отдам под твое управление.
- Что так?
- У тебя есть идеи насчет среднего и мелкого бизнеса. А я пока у Николая Евгеньевича по нефти хочу еще поработать. А там жизнь покажет.
- А если я прогорю?
- Заранее отпущения грехов требуешь? Пошли обедать.

Армия

На выпускном занятии в лагере для допризывников выступил Евгений Фирсов. Особенно запомнился Арику конец его речи: «Парни, мы сделали для вас всё, что могли. Всё, что положено знать и уметь солдату, вы умеете и знаете. Мы научили вас искусству самообороны. За время учебы в нашем лагере вы накачали мускулы и так далее. Теперь, единственное, что от вас требуется для благополучного прохождения солдатской службы – это не быть идиотами. Непонятно? Прежде всего, не выделяться своими успехами. Например, не подтягиваться на турнике больше, чем средний солдат, не бегать дальше всех и быстрее всех. Одеваться по команде в пределах нормативного срока. Не выпендриваться, не пытаться подавлять окружающих своими знаниями. В то же время нельзя давать садиться себе на шею. Нужно спокойно, без излишней агрессивности, ставить на место тех, кто попытается вас унижить или захочет вами помыкать. Ни при каких обстоятельствах не теряйте хладнокровия, или, как говорят американцы, не выскакивайте из рубашки. И последнее, держитесь друг за друга. Конечно, в трудную минуту при исключительных обстоятельствах кто-то придет к вам на помощь, но лучше, чтобы этого не было.

– Не нравятся мне эти новенькие, – начал, мусоля сигаретку, «дед» Василий.

– А что, они ничего, – пожал плечами «дед» Семен.

– Вот, помяни мое слово, они скоро всеми командовать начнут, и нас с тобой ни в грош ставить будут.

– А вообще-то ты прав. Они все какие-то холеные, что ли.

– Во-во, надо их пригладить, пока не поздно. Пусть увидят, кто здесь хозяин.

Вечером в казарме Арика окликнули: «Эй, салага, подь сюда!»

– Это ты меня?

– Тебя, тебя. Видишь, мои носки пропотели. – Семен помахал носками перед носом

Арика. – Постирать надо.

– Постирай.

– Это ты их постираешь!

– Обойдешься.

– Ты что, разговаривать?! Да я тебя!

– Не советую.

– А то что?

– Увидишь.

Арик перехватил в запястьи руку замахнувшегося на него Семена. Все попытки вырваться из стальной хватки Арика Семену не удались.

– Наших бьют!!!

На крик Семена сбежались «деды». Однако, прийти на помощь Семену оказалось непросто: На пути стали четыре товарища Арика по лагерю. Они стояли спокойно, скрестив руки на груди.

– Ладно, ладно, пошутковали и будет, – нашелся Василий. – А ты, паря, отпусти руку.

– Ты, как, успокоился? – спросил Арик, освобождая руку Семена.

Вместо ответа Семен выхватил нож и полоснул Арика по предплечью. Реакция Арика оказалась мгновенной. Он сумел уклониться, так что порез оказался поверхностным, а против второго замаха применил захват скрещенными руками. Семен взвыл и стал нянчить руку.

– Осторожнее с рукой, – предостерег Арик, – это перелом. Пошли в санчасть.

В санчасти Арику сделали первязку, а Семену наложили шину и отправили в госпиталь на рентген.

При опросе Семен сказал, что сломал руку сам. Ему, конечно, не поверили, но лишний скандал никому не нужен. А взводный только и спросил у Арика: «У вас там все такие?». Дальнейшее прохождение службы обошлось без новых приключений.

Выбираем пути-дороги

– Ну так чего надумали? – Фирсов-старший обратился к сидевшим напротив него за столом Евгению и Борису.

– Не нефтью единой жив человек...

– Продолжай, Женя, начало интересное, – отец иронически усмехнулся.

– Думаю, надо вкладывать хотя бы часть капиталов в развитие мелких и средних предприятий.

– А не погорим?

– Риск, конечно есть. И отдача поменьше и попозже, чем на нефти, газе и металлах. Будем кредитовать аккуратно. Отработаем систему финансирования, чтобы не стрелять в божий свет как в копеечку. Но за этими предприятиями будущее.

– С чего начать собираешься?

– Специалистов самых необходимых в штаб подберу, а остальных по мере надобности на временную работу. Изучим рынок, выберем несколько предприятий для опыта, а уж потом...

– Вот так, мать, видишь какого героя вырастили! Ну что ж, разумно. Я и сам об этом начал подумывать. Кредитную линию насколько открывать?

– Пока, отец, еще не знаю, а на предварительные наработки и штаб миллионов десять потребуется. Кое-что мы с Борисом поднакопили на «несмышленищах», но на первый случай кредит потребуется. Только ты с процентами не зверствуй.

– Быть по сему. А тебе, Борис, тоже миллионы нужны?

– Мне нет. Я по добыче и разведке нефти пойду.

– Очень хорошо. Тогда завтра с утра в контору. Разговор есть. Ну что, мать, еще по бокалу за нашу смену?

Евгений начинает

День приема посетителей

– Клава, что у нас на сегодня?

Клава, по спортивному стройная миниатюрная брюнетка (Друзья подшучивали, что Евгений специально подбирает помощников малорослых, чтобы выделяться на их фоне) сегодня одета просто соблазнительно.

Фирсов хмурится: «Кого собираешься в постель затащить?».

– Тебя.

– Ты у меня допрыгаешься – вот возьму и женюсь на тебе.

– Новую секретаршу хочешь получить? Я надоела?!

– Ох, Клавачка, что-то мы с тобой сегодня не так рабочий день начинаем. Давай кофе покрепче и докладдай распорядок дня.

– Из Кунгура, из Усть-Илимска, из Дмитровского района в Подмоскowie, из...

– Погоди, у нас не мельница. Большие деньги будем вкладывать. Надо с этими разобратся.

– А остальные?

– Устрой в нашу гостиницу, дай путеводители по Москве, назначь на завтра трех или четырех – сама разберись кого. Приглашай ближнего.

«Ближний», пожилой худощавый человек среднего роста в немодном костюме, начал прямо с порога: «Я из Запрудни, Дмитровский район Московской области.»

– Слушаю вас. Садитесь, пожалуйста.

– Рабочей силы у нас много, больше тысячи душ, но применить ее у нас негде. Приходится нашим людям каждый день в Дмитров подаваться. Сорок минут на автобусе в один конец. И цена за проезд кусается. Так что если что-то заведем, то люди с удовольствием вернутся. А у нас было. Был большой стекольно-ламповый завод. Игрушки елочные изготавливали кроме всего прочего. Места вокруг хорошие. Леса, канал рядом. И дорога от Москвы до самой Волги прекрасная. Можно дачи или пансионаты для отдыхающих строить. Глины подходящие есть, кирпич любого фасона можно делать. Для отжига можно использовать мощности на старом заводе. Патент имеется на штамповку кирпича с помощью атмосферного давления. Рукодельные промыслы можно организовать. Умельцы имеются. Ну а если все получится, то и коммунальным хозяйством можно будет заняться: там инфраструктура каши просит. Еще глину для фарфора поискать можно. Вербилковский фарфоровый завод рядом.

– А вы сами кто будете? – Фирсов улыбнулся горячности посетителя.

– Извините, не представился. Председатель поселковой управы Крашенинников Юрий Михайлович. Кредиты нужны.

– Ну что ж, на днях пришлю к вам нашего представителя. Посмотрит что к чему. Вы ему все покажете, в том числе и смету. А там будем решать.

– А я то думал, – начал разочарованным тоном Крашенинников...

– Дела вы предлагаете серьезные, и подходить к ним нужно серьезно. Так что ждите гостей. И вот еще что – спрос изучайте. Рекламу опять же продумать надо.

Когда двери за запрудненцем закрылись, Фирсов повернулся к Клаве: «Ты все-таки тово, что-нибудь поскромнее напяля, а то этот мужик со мной разговаривал, а твои коленки ему сосредоточиться мешали.

– Но, Женечка...

- В твоём распоряжении пятнадцать минут до прихода этого сибиряка.
- Слушаюсь, гражданин начальник! А сегодня вечером я занята, вот тебе!

Сибиряк оказался молодым парнем саженного роста. Он даже немного сутулился, стесняясь своих габаритов.

– Значит так, – начал он сходу, – любим мы брать то, что поближе лежит. Реки обмелели потому как лес прямо с берега берем. И все норовим по большим рекам. И опять же кругляк сплавляем – с ним проще.

- Так, преамбулу я выслушал. Давайте ближе к делу.

– К делу так к делу, только мне самому страшно, что я предложить хочу. Большие деньги потребуются.

- У меня в кармане деньги не считайте. И вообще для краткости лепите понятиями.

– О, это по нашему! Обследовать таежную глухомань с самолета или вертолета. Там, где лес перспективный, приводим в порядок речки с расчетом на катера и плоскодонные баржи. Строим лесопилки и установки для получения древесно-стружечных плит, то есть вкладываем в дерево максимум труда, как японцы в металл вкладывают. В первую очередь лес берем с противопожарных просек. На это можно и у государства кое-что попросить. Энергетика на отходах. Людей найдем – у нас безработица большая. Нужно создавать комфортабельные поселки на постоянной основе.

- Вы кто по специальности?

– Лесотехник.

Ну что ж, дело стоящее во всех отношениях. Деньги выделим на пилотный проект. Получится – пойдем дальше. Клавдия Васильевна – К этому моменту Клавочка предстала в костюме строгого покроя – настоящая деловая леди, впрочем такой она и была, – свяжите Дмитрия Ивановича с нашими расчетчиками и вообще возьмите шефство над ним.

Кунгурец тоже сразу взял быка за рога: «Погибаем, задыхаемся. Отходов всяческих до и более – город большой. Построили мусоросжигающую установку, так она дымит со страшной силой. А у нас вокруг горы. Задыхаемся!»

- Что предлагаете?

– У американцев лицензию купить. Там все отходы внутри установки разлагаются, и на выходе электроэнергия, жидкое топливо и твердые отходы – хоть на удобрения, хоть на стройку. А заводы подходящие у нас есть, они в четверть силы работают. Получится – нас большие города заказами завалят, а мусор дефицитом станет, придется покупать. Кстати, все городские свалки расчистим, городам дополнительные территории для застройки.

– Всё понял. Вы про ноу-хау забыли. Поручим нашим экспертам изучить установку. Если будет целесообразным ее изготавливать или хотя бы собирать у нас, а ваши заводы смогут с этим делом справиться, то выдадим кредиты. Если будет выгоднее покупать в США, то станете управляющим фирмы по внедрению этой установки в России. Ну как?

- Я думал – сходу.

– А мы и так сходу. Клавдия Васильевна, познакомьте нашего нового друга с техническим отделом.

Когда кунгурец ушел, Фирсов встал из-за стола, потянулся так что кости захрустели, и обращаясь к секретарю сказал: «Значит, сегодня занята? Интересно, чем?».

- В ресторан Националь иду. Там уже столик заказан.

- И какой же хмырь болотный моих сотрудников по ресторанам водит?

– Ты.

- Что-то я не помню, чтобы я тебя приглашал.

- Это не важно. Главное, что я помню.

– Быть посему, как мой родитель выражается. А четверых на завтра отобрать не забыла?

– Обижаете, гражданин начальник! Там один с очень интересным предложением – поднять топляк на лесосплавных реках. Говорит, что этот топляк вполне в дело может пойти, тем более, что он уже обработан – готовый кругляк. А в перспективе можно будет и дно Братского водохранилища почистить. Когда его заполняли, весь лес на корню остался.

– Действительно интересно. Но рабочий день кончился. На какое время ресторан?

Два года спутся Дебаты в губернской Думе

Спикер губернской думы Коромыслов Эдуард Харитонович хмурился: *«Это ж надо, как только хочешь домой пораньше, так в Думе обязательно что-то затевается.»*

– Слушай, Гриша, – обратился он к лидеру оппозиции и своему закадычному другу, – до выборов еще больше года, так чего твои орлы сейчас на губернатора лезут?

– Они не просто лезут, леваки наши импичмент готовят.

– Ох, господи, а у жены сегодня день рождения! – Рука спикера потянулась к колокольчику. – Слово предоставляется депутату Петушинскому Петру Петровичу по его просьбе. Прошу Вас, Петр Петрович. Можете с места.

– Ну уж нет! Это у вас не пройдет! Только с трибуны! От имени нашей левой фракции в составе коалиционной оппозиции запрос господину губернатору. У нас, в нашей, я подчеркиваю, в нашей губернии хозяйничают какие-то посторонние люди и организации. Они никому не представляются, и что хотят, то и воруют, никого не спрашивая.

– Пожалуйста поконкретнее, ближе к делу.

– А вы мне рот не затыкайте, господин спикер! Теперь не те времена!

Конкретнее говорите? Пожалуйста. На севере нашей губернии ведутся хищнические вырубки лесов – нашего главного богатства, копаются в руслах рек – губят рыбу. Есть подозрение, что за всем этим прячется рука известного хищника-эксплуататора природных богатств Фирсова. Кто ему разрешил творить такие безобразия на нашей земле? Вы, господин губернатор? А может вы просто не ведаете, что творится в губернии? Больше того, прямо у вас под носом неизвестные люди захватили большой кусок территории, причем самой лучшей территории, и теперь там что-то строят ни то бальнеологическую лечебницу, используя наши минеральные источники, ни то какой-то санаторий. Никаких согласований с думой по этим проблемам не было. Скажите, господин губернатор, сколько вам за это разорение нашего края заплачено?

– У Вас всё, депутат Петушинский? Михаил Потапович, – обратился спикер к постоянному представителю губернатра в Думе, – готовы вы сейчас отвечать на запрос левой фракции?

– Я готов ответить на запрос господина Петушинского.

– Это запрос не вам, а губернатору, нечего ему за вашу спину прятаться!

– Петр Петрович, делаю вам замечание! Господин Медвежатников является представителем губернатора и имеет право отвечать от его имени.

– Мы протестуем!

– Ваше право! Слово для ответа на запрос левой фракции оппозиции предоставляется постоянному представителю губернатора в Думе, господину Медвежатникову. Прошу Вас, Михаил Потапович.

– Благодарю Вас, господин спикер. Обвинения голословные, не подтвержденные конкретными фактами: не указаны ни места вырубок, ни роскошная территория, захваченная посторонними людьми. Тем не менее администрация губернатора готова дать разъяснения по затронутым проблемам. Прежде всего я хочу напомнить уважаемым депутатам, что в нашей губернии существует четкое разделение властей на судебную, законодательную и исполнительную, представляемую администрацией нашего губернатора.

– Нечего забалтывать вопрос! Не читайте нам элементарные истины! Скажите, сколько было вам заплачено?

– Депутат Петушинский, еще одно такое, с позволения сказать, выступление, и я лишу вас права выступать на две недели.

– Извините, господин спикер.

– Продолжайте, пожалуйста, Михаил Потапович.

– Прежде всего реальное разделение властей нам досталось очень нелегко. Мы гордимся этим, и мы никому не позволим отнять его у нас. Это к вопросу об элементарных истинах. Губернатор действует в пределах своих полномочий, соблюдая законы как федеральные, так и местные. Согласно этим законам для лесозаготовок в северной части требовалось согласование губернского лесничества, и оно было получено.

– А по территории бальнеологической клиники?

– Депутат Петушинский вы лишены права выступать до конца месяца. Продолжайте, пожалуйста, Михаил Потапович.

– Лесозаготовки идут под прямым контролем лесничества. Лес получают в первую очередь за счет создания противопожарных просек и ликвидации сухостоя, иными словами наряду с лесозаготовками проводятся противопожарные и лесоздоровительные мероприятия. На местах лесозаготовок строятся, а в двух местах уже ведены в строй лесопилки, то есть вместо дешевого кругляка получают пиловочник. Более того, в ближайшие дни будет задействована установка по получению древесно-стружечных плит, то есть мы приближаемся к безотходному производству. Кстати, электроэнергию там получают из отходов, которые не могут быть превращены в ДСП. Теперь в отношении лесосплава. Руслу рек забиты топляком, мешающим лесосплаву, а при гниении он губит рыбу. Поднятый на поверхность топляк сортируется и тоже идет в дело. В отношении захваченной территории. Вы, наверное, знаете, что в городе действуют три мусоросжигательные фабрики. С мусором они справляются, но атмосферу загрязняют безбожно. Концерн Фирсова выкупил у города территорию свалки. Внедряется новая технология обработки мусора с помощью утилизационной установки, закупленной в Соединенных Штатах. Установка полностью закрытая. Отходы разлагаются при высокой температуре и под большим давлением. На выходе получают электроэнергию, жидкое топливо, пригодное для автотранспорта, а твердые отходы идут на удобрения. Так что лакомое местечко – городская свалка. Что же касается бальнеологической клиники, то это относится к области фантастики. И последнее, обвинять губернатора во взяточничестве без достаточных на то оснований не рекомендую. У нас есть суд.

Борис начинает

Борис не раз бывал в кабинете Фирсова старшего, но всегда обстановка – паркет, громадный стол и шкафы – всё под темный дуб – производила впечатление, что попал в помещение, которое скорее всего можно отнести к правительственным офисам 30-х – 40-х годов прошлого столетия. Только настенный телевизор, два компьютера с большим экраном и скайпом, а также несколько мобильных говорили о том, что хозяин кабинета современный деловой человек.

– Садись, Борис, разговор у нас будет основательный. Женька мой, ну ты сам знаешь, для нашего дела потерян. Ты думаешь, это я только вчера узнал? Нет, мне уже докладывали, что он и на нефтепромыслах всякими побочными предприятиями интересовался. В общем-то, это, наверное, правильно. Новые времена наступают. Через какое-то время нефть пойдет только для нужд химии и фармацевтики.

– Ну это когда еще будет!

– Не завтра, согласен, не завтра, но готовиться к этому нужно уже сегодня. И вообще все яйца в одну корзину... Получается, что по прямой линии остаешься только ты. Теперь, чем тебе заняться? В конторе штаны протирать рано, да и характер у тебя не тот. Давай так. Про Восьмой Заполярный слышал? Хреново там сейчас. Одним словом, американский Дикий Запад плюс наркота. Дельные люди оттуда бегут. Прямо хоть промыслы закрывай. Да и то сказать, последние два года одни убытки.

– А чего ж два года то терпели?

– Честно? Нам по началу даже это выгодно было: налоги списывались. А теперь вижу – заигрались. Что скажешь?

– Как говорится в одном старом романе «Пришло время положить животы свои за всё то сладкое, что в эти животы было положено.»

– А если всерьез?

– Кем и с какими полномочиями?

– Кем? Начальником узла. А полномочия и юридическая защита – сам определишь. Финансирование – открытый кредит. Так когда?

– Надо изучить информацию, подобрать кадры: на тамошние надежда слабая. Через месяц, полтора смогу приступить...

Борис читал и перечитывал отчеты производственные и службы безопасности, и всё больше мрачнел: За шесть лет учебы в Университете имени Губкина он много раз выезжал на нефтепромыслы, видел там всякое, но такого беспредела не встречал.

– *На месте поддержку найти будет нелегко: многие запуганы или сами участвуют – наркотики штука богатая. Значит нужно появиться с готовой командой. Волков отпадает: недавно назначение на генеральскую должность получил, начальником училища внутренних войск, пару лет прослужит и большую звезду получит. Кто же еще?*

– На берегу пустынных волн сидел он дум глубоких полн, – сходу, войдя в комнату, продекламировал Евгений.

– И вдаль глядел. Здорово, Жень. Задумаешься тут. Нужно службу безопасности для промыслов подобрать надежную и мощную.

– Понимаю. Это чтобы вся тамошняя публика страх божий возымела.

– Именно! Там, по моим данным даже милиция доброго слова не стоит, скорее наоборот.

Друзья задумались...

– А, знаешь что? Есть у меня один кадр, золотой парень. Козырева помнишь?

– Это которого аж три медсестры на шивовость проверяли?

– Он самый.

– Сумнительно. Нерасчетлив, как я понимаю. Вон даже бикфордов шнур так рассчитал, что вы оба в госпиталь залетели.

– Не-а, он шнур специально такой выбрал, чтобы его перебить не успели. Риск был большой, а сохранился мост – была бы кровавая баня: нас там всего ничего оставалось. Авторитетом большим пользовался в полку, так что и команду хорошую сможет подобрать.

– Сложно все это. Там ведь такие деньги могут предложить, какие он за всю жизнь не заработает.

– Что тебе сказать? Если по прошлому судить, то парень порядочный... Мужик храбрый, но в то же время серьезный, рассудительный. Ничего на ура и с кондачка не делал.

– Это в прошлом. Помнишь «Как молоды мы были, как верили в себя». А сейчас как?

– Плехановку в прошлом году кончил, диплом менеджера получил.

– Хорошее сочетание для службы безопасности.

– Да ты можешь сам с ним поговорить. Где же это его координаты? Он на встрече ветеранов их мне дал, а вот, – Евгений включил скайп. На экране повилась взлохмаченная рыжая голова Козырева.

– Козырев, привет! Как жизнь?

– Привет, Фирсов. Нешто это жизнь? Вот, говорят, на Марсе жизнь нашли, а у нас...

– Понял. Надо встретиться. Как раз насчет жизни в местах отдаленных потолковать. Давай в Национале.

– Ну ты, Жень, даешь! Это ж один из самых дорогих ресторанов! Не те у меня финансы, чтобы там встречаться.

– Обижает, Козырь! Если я приглашаю, значит мне и платить.

– Это другой коленкор!

В Национале, одном из самых роскошных ресторанов, начали с воспоминаний о днях прошедших, о друзьях-товарищах. Помянули, тех, кого уже нет. Потом стали перебирать, кто кого встречал за последнее время. Потом Фирсов перешел к делу: «Что-то мне кажется, что у тебя что-то не то, или мне показалось?»

– Да нет, все правильно. Не так я себе работу менеджера представлял. Думал, работа будет живая, оперативная, а получилось – штаны протираю!

– Насчет твоей семейной жизни я слышал. Нарвался? Бывает. А может это тебе за прежние грехи? Не обижайся, шучу. А с жильем у тебя как?

– Квартиру ей оставил. В общежитии министерства прозябаю.

– Значит, ты наш человек.

– Извини, не понял.

– Давай, Борис, телись, а то все я да я!

– Есть в Заполярья у Фирсова-старшего «теплые» нефтепромыслы. Ситуация там такая,...

Козырев молча выслушал рассказ Бориса, вздохнул: «М-да, картинка, что и говорить. Только с какой стороны это меня может касаться?»

– Начальником службы безопасности предлагаю. Оклад и всё такое нормальные. Квартиру в столице потом без проблем купишь. Выслуга – год за три.

– Как и в лагере зачет, – пропел неожиданно Козырев. – Лады. Люди потребуются.

– Конечно, о чем разговор! Завтра жду тебя в конторе Фирсова. Там договора составим. Все детали обсудим.

– А с министерством как? Хорошо, это я сам.

Еще через два дня с помощью Волкова, связь с которым никогда не порывал, Бойков вышел на Гаврилова. И в том же Национале, метрдотель которого шутил, что для Фирсовых и Бойкова ресторан стал второй конторой, назначил Гаврилову свидание.

- Семен Григорьевич, привет дорогой.
- Привет, Борис Петрович. Долгонько не виделись. Что так долго не возникал?
- А ты и сам был бы не хвор меня навестить. Ладно, нужен ты мне очень.
- Это как?
- А помнишь, нам в подарок кассету с песнями Высоцкого презентовали?
- Не только помню, я ее, когда в дембель уходил, с собой прихватил.
- Ну как тебе жизнь штатская?
- Да вроде бы ничего. Квартира казенная бесплатная: в ЖКХ работаю. Зарплата неплохая, но хлопот много.
- Семей то обзавелся?
- Милки бывают, а так... А чего это ты про Высоцкого вспомнил?
- Песня у него про летчиков «Пусть вечно мой друг прикрывает мне спину, как было в последнем бою». На заполярные нефтепромыслы подаюсь. Личная охрана нужна.
- Такие там «веселые» дела?!
- И даже хуже. С материальной частью всё будет как положено. Квартиру собственную сможешь приобрести, и на обзаведение останется. И стаж год за три.
- Это если доживу. А, нехай будэ гречка!

На Восьмом Заполярном

Вот с этого и начнем

Борис смотрел на районного прокурора и читал на его лице непроходимую тоску: *«Милый, ну что ты от меня хочешь? Я ничего не могу!»*

– Господин прокурор, так дальше продолжаться не может. Люди боятся появляться на улице и в общественных местах не только по вечерам, но и в дневное время. У меня на столе лежат десятки заявлений об увольнении. И это понятно, кому охота рисковать своей жизнью ни за что ни про что. Скоро придется промыслы закрывать.

– Господин Бойков, я могу написать сколько угодно постановлений о возбуждении уголовных дел, а что толку – исполнять эти постановления некому. Всё в руках спиртонош и наркоторговцев. Судьи боятся за свою жизнь. Я тоже. Защитить нас некому. Начальник милиции марионетка в руках этой публики.

– Понятненько, – Борис вздохнул. – Так что, может и мне собирать чемоданы, а?

– Не знаю, ваше дело.

– Тогда так. Мы хотим организовать народные дружины. В создавшейся ситуации их придется вооружить, дать им право силового воздействия на нарушителей законности в тех случаях, когда преступники будут оказывать сопротивление.

– М-мм, не совсем понял.

– Вы выписываете постановление о возбуждении уголовного дела, а дружинники принимают меры к задержанию преступных элементов.

– Ничего не получится. Вы их задержите, кстати говоря вы применили правильную терминологию, именно задержите, а не арестуете. Ну а дальше что? Кто их будет держать в тюрьме, кто рискнет их судить?

– Вы только разрешите их задерживать, ну и, конечно, если они будут сопротивляться, применять силовые методы воздействия.

– Значит, вы берете всё это на себя?

– При условии, что вы наделяете меня нас соответствующими полномочиями, чтобы ни мне, ни дружинникам самим не попасть под суд.

Уже через несколько дней спиртоноши и продавцы наркотиков стали прятаться по темным углам, а хулиганы поняли, что их разгульное время кончилось.

Начальник милиции Восьмого Заполярного, Степан Степанович Мамаев, сидел в своем кабинете опустив низко голову: во-первых она была такой тяжелой «после вчерашнего», что и не поднять, во-вторых, очень беспокоило, что новый начальник промузла привез с собой чуть не роту помощников, да всё такие, что только держись. Зачем они ему и в таком количестве? Ответ напрашивался сам собой. И этот ответ никак не устраивал Степана Степановича: Новый начальник железной рукой начал наводить порядок. Э-эх, связался я с этой наркобандой, и всё пошло ко всем чертям. Сыграть на опережение? Надо с Колычем обговорить. – Потянулся к монитору, спохватился – нельзя, только с глазу на глаз.

Колыч, хозяин наркоты, был настроен решительно: «Чего там цирлих-манирлих разводить! Давай на вшивость проверять. Тогда и решим.»

В местном ресторане, куда Борис зашел поужинать (свой быт пока еще не наладился), к его столику без разрешения подсади два здоровых и видать подвыпивших лба: «Здоров начальничек. Может угостишь?», и не дожидаясь приглашения, один из них потянулся к графинчику с водкой.

– Эти не от себя: мелкая сошка. Нарываются. Вроде как разведка боем. Ну что ж. Извините, я вас за свой стол не приглашал. Прошу не мешать мне ужинать.

– Ишь, какие мы гордые! – усмехнулся белобрысый. – Коль, а он ведь из жидков, вон нос какой, а ежели штаны с него спустить, что там, как ты думаешь?

– Может смазать ему по сопатке, чтоб понял, сука жидовская? – предложил второй, в низко надвинутой шапке.

Борис подозвал официанта: «Мне мешают ужинать. Прошу навести порядок.» *Только бы Гаврилов сейчас не стал вмешиваться.* Незаметно для подвыпивших хулиганов жестом показал Гаврилову, сидевшему с еще двумя охранниками за соседним столиком, на выход.

– Борис Петрович (как-то так получилось, что Бориса стали узнавать в лицо чуть не с первого дня), – официант грустно вздохнул, – извините, мы с ними ничего поделать не можем.

– А милицию вызвать?

– Борис Петрович, вы меня простите, но мне вон еще сколько столиков нужно обслужить.

– Что, съел? – рассмеялся один из лбов. – Понял, кто здесь главный?

– Ну что ж, поужинать мне, видно, не получится. Пошли на улицу, там поговорим, а то здесь тесно.

– На улицу, так на улицу.

На улице их уже поджидали Гаврилов и его два помощника.

В помещении службы безопасности шел неторопливый разговор: «Так, судя по вашим документам, ваша основная работа – пожарники, а вторая – сексоты райотдела милиции. Или наоборот? – спрашивал Козырев слегка помятых в скоротечной уличной схватке парней. – Так чего это вы нахальничаете, людям поесть не даете, а? Кто же это вам эту пакость поручил, не Мамаев случаем? Да вы не молчите, всё равно ваши паханы не поверят, что вы из себя тут Зою Космодемьянскую изображали.»

– А кто это?

– Потом объясню. Ну так как будем разговаривать?

– А то что?

– А ничего. Я вас просто отпущу, и всё. Только, я так это дело понимаю, вас тут же кончат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.